

Первенство чести: имеет ли Константинопольский Патриарх право на вмешательство в дела других Церквей?

*Вопрос украинской автокефалии послужил темой для обнародованной в марте переписки между предстоятелями двух Церквей – Константинопольской и Албанской. В ответе Патриарха Варфоломея прозвучали нотки о его главенстве над всей Церковью Христовой. На чем основаны такие амбиции, размышляет преподаватель канонического права Киевской духовной академии (1997–2000 гг.) епископ Гостомельский Тихон, викарий Киевской Митрополии. Статья опубликована **сайтом Украинской Православной Церкви**.*

В послании Предстоятеля Константинопольской Православной Церкви говорится, что богоносные отцы «посредством Божественных и священных канонов возложили на престол Константина известную всем всесвященную и страшную сверхграницную ответственность».

Речь идет о претензиях Константинополя на первенство и приписывании ему особого права — единолично давать или забирать автокефалию. «Новейшие и так называемые “автокефалии” были даны и даются от общей питательницы Православных Константинопольской Церковью», — заявляет Константинопольский Патриарх и продолжает: «Все это немногое вышеизложенное было обозначено для восстановления на верный путь первого по ответственности и жертвенного характера Матери Святой Христовой Великой Церкви... И недоумеваем, как эта дерзость и клевета в отношении Матери Церкви и нашей Мерности лично бывает некоторыми принимаема и в каких случаях, по их воле или нет, и усваивается в форме принятия аргументов тех, кто поднял пяду на благодетеля. Любят такие ученики учителей, Церковь и ее единство? Да нет. Мы провозглашаем на Фанаре авторитетно унаследованное нами учение о Церкви...»

Возникает вопрос: действительно ли унаследовано от святых Соборов и богоносных отцов такое право – право Константинопольского епископа на главенствующую роль во всей Церкви Христовой? Может ли Константинопольская Православная Церковь самостоятельно давать или забирать автокефалии?

Миф об основании Константинопольской (точнее, Византийской) Церкви апостолом Андреем был создан довольно поздно. Главная цель — оправдание претензий ее предстоятелей, игнорирующих исторические источники. Напомним, что первым епископом этой Церкви был Митрофан, который жил в IV в. (т. е. на три столетия позже апостола Андрея).

Положение епископа столицы — наследницы древнего Рима и близость к императору – вот и, собственно, все, что послужило поводом для попытки возвеличения Константинопольского предстоятеля. Относительно расширения власти Константинопольского патриарха (за границы своего Патриархата) тоже можно сказать, объясняется близостью предстоятеля к бывшим правителям (сначала к византийским, а впоследствии — к турецким), той же системой византийского цезарепапизма, той же нераздельностью религиозного и светского начала в старой Турции.

Периодически в Константинополе собирался так называемый Домашний Синод. Участие в Домашнем Синоде Константинопольской Церкви других патриархов Поместных Церквей придавало этому Синоду характер поместного Собора: его решения были обязательны не только для Константинопольской, но и для тех Церквей, первоиерархи которых в нем участвовали. Данный факт не давал этому Синоду и его председателю канонического основания и права для вмешательства в дела других Церквей в тех случаях, когда патриархи других Поместных Церквей в нем не участвовали. Разумеется, Константинопольский патриарх пытался вмешиваться и в дела других Поместных Церквей, первоиерархи которых в его Синоде не участвовали. Но это уже было превышением его власти (оставшимся безнаказанным благодаря защите светской власти) или требованием необходимости — отсутствием канонических органов (соборов и синодов других Церквей).

Однако ни те, ни другие случаи не могут служить прецедентами для нашего времени. Ведь мы живем в условиях господствующей системы отделения Церкви от государства. При существовании канонических синодов в автокефальных Церквях не может быть какой-то властной привилегии Константинопольского патриарха в отношении других автокефальных Церквей.

История «возвышения»

Первое упоминание о Константинопольском епископе в каноническом кодексе Православной Церкви мы встречаем только в канонах II Вселенского Собора. «При покровительстве Феодосия Великого, — пишет историк Антон Карташев, — ...царствующий град, еще не отмытый от арианской грязи, уже провозглашен был, в церковном отношении, вторым по чести и правам после древнего Рима».

На самом деле смысл соборного постановления был совсем другой. Третий канон II Вселенского Собора гласит: «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по Римском

епископе, потому что град оный есть новый Рим». Таким образом, Собор признал за Константинопольским епископом привилегию чести (πρεσβεία τῆς τιμῆς, *prioris honoris partes*). Но юридическая аксиома гласит: «*Privilegia stricte sunt interpretanta*» — привилегии должно толковать строго, точно, т. е. ограничительно, а не расширительно.

Если Собор дает Константинопольскому епископу только привилегию чести, то тем самым он отрицает за ним право на расширение своей власти. Эти привилегии указывают лишь на некоторые права: на соборах восточных епископов занимать место выше других епископов, подписываться первым под соборными актами этих епископов, первенствовать во время богослужения. Но здесь ничего не сказано о праве председательства, праве созывать Собор и от его имени проявлять власть над другими епископами. Данное право и после II Вселенского Собора по-прежнему осталось за главой Фракийского диоцеза, которому был подчинен в то время и епископ Константинопольский.

Наделяя Константинопольского епископа привилегией чести, II Вселенский Собор указывает на единственное основание этой привилегии — «потому, что град оный есть новый Рим». Такая чисто политическая мотивировка соборного постановления (имеющая характер уступки государственной власти) исключает какие бы то ни было церковные основания (к примеру, ссылку на апостольское происхождение данной кафедры, на особые заслуги ее епископов и т. д.).

«*Ratio legis*» (основание закона) состоит именно в предупреждении притязаний епископа столицы на расширение своей власти. Это видно из истории текста 3-го правила. Обратим внимание на подлинный текст канонов II Вселенского Собора, зафиксированный в греческом Понтийском сборнике (которым пользовался IV Вселенский Собор), и латинском сборнике Дионисия Малого. Там 3-е правило не было отдельным: оно составляло окончание 2-го правила этого Собора, и в общей нумерации правил в сборнике находилось на предпоследнем месте под № 105.

Отсюда следует, что 3-е правило необходимо толковать в контексте 2-го правила: оно имело целью подтвердить неприкосновенность прав провинциальных и диоцезальных епископов, и прежде всего — Фракийского диоцезального митрополита. Ведь его правам грозила опасность с двух сторон — со стороны архиепископа Александрийского (незаконно поставившего в Константинополь Максима Циника) и со стороны притязаний Константинопольского епископа, опирающегося на почетное положение епископа новой столицы. Итак, 2-е правило вообще запрещает диоцезальным епископам простираť свою власть за пределы своего диоцеза.

Далее 2-е правило перечисляет этих диоцезальных епископов (начиная с Александрийского): «...но по правилам Александрийский епископ да управляет церквами только Египетскими». Здесь констатируется незаконность поставления Максима Циника и подтверждение исключительного

права Ираклийского митрополита как главы Фракийского диоцеза рукополагать Константинопольского епископа. Согласно толкованиям к 3-му правилу, почетное положение епископа столицы дает ему только привилегии чести, но не власти, каковая по прежнему должна принадлежать Ираклийскому митрополиту.

Угрозы нового раскола

Совершенно ошибочным является сообщение византийского историка Сократа Схоластика: дескать, при разделении соборами провинций между патриархами (не существовавшими в то время) Константинопольский епископ Нектарий якобы получил императорский город и Фракийские провинции.

Действительно, после II Вселенского Собора Константинопольские епископы вскоре получили власть (причем не только над Фракийским, но и над Асийским и Понтийским диоцезами). Однако это было сделано не на основании постановления какого-либо Вселенского Собора, а путем «*via facti*» (своеволия): благодаря умелому использованию своего положения столичных епископов и вмешательству государственной власти.

Отсюда вывод: нельзя усваивать Константинопольскому патриарху исключительное право инициативы во всей жизни Церкви. Усвоение инициативы одному первоиерарху предполагает лишение этого права всех остальных, которые, быть может, гораздо глубже, шире и правильнее понимают современные церковные нужды. Такие ошибки приведут лишь к застою и нестроениям в церковной жизни.

Иногда инициатива в разрешении вопросов в церковной жизни могла принадлежать и другому первоиерарху. Это происходило в тех случаях, когда Константинопольские патриархи допускали догматические или канонические погрешности. Подобных примеров история Церкви знает немало.

Вспомнить хотя бы Константинопольского патриарха Нестория: когда он впал в ересь, инициативу его обличения взяли на себя другие патриархи — Антиохийской Церкви Иоанн и Александрийской святитель Кирилл. Борьбу против монофелитства Константинопольского патриарха Сергия взял на себя Александрийский патриарх святитель Иоанн Милостивый.

По инициативе Александрийского патриарха Никанора патриархи Антиохийский и Иерусалимский осудили неканоническое поставление Константинопольским патриархом архимандрита Евгения опекуном над патриархом Никанором. Несколько позже, по инициативе патриарха

Александрийского Нила, Антиохийский патриарх Иерофей и Иерусалимский патриарх Кирилл осудили неканоническое вмешательство Константинопольского патриарха в дело избрания патриарха Александрийского.

Теория о некой исключительной компетенции Константинопольских патриархов грозит большой бедой Вселенскому Православию и может привести к катастрофическому расколу во всей Церкви Христовой.

Восточный папизм — детище византийского цезарепапизма. Сам по себе Константинопольский епископ не имел и не имеет никаких церковных оснований для своего возвышения над другими епископами: нет у него ни апостольского основания своей кафедры, ни славы непоколебимого столпа Православия.

Пресечение властолюбивых претензий Константинопольского Патриархата в истории Церкви

Осудивший как еретика Константинопольского епископа Нестория III Вселенский Собор не касался непосредственно вопроса о границах власти столичного епископа, но в своем 8-м каноне вынес категорическое и красноречивое постановление в защиту автономии всех митрополий и их соборного строя от посягательств других Церквей. Как видно из 8-го правила III Вселенского Собора, после смерти Кипрского митрополита Троила проконсул Флавий Дионисий по просьбе Антиохийского епископа запретил Кипрским епископам избирать ему преемника. Тем не менее собор Кипрских епископов избрал митрополитом епископа Ригина, который обратился к Вселенскому Собору с жалобой на посягательства Антиохийского епископа, нарушающие Апостольские (1-е, 34-е и 35-е) и Никейские (4-е и 6-е) правила. Убедившись, что Кипрские митрополиты и епископы ранее обычно избирались собором Кипрских епископов, Вселенский Собор не только осудил посягательства Антиохийского епископа как «дело вопреки постановлениям церковным и правилам святых Апостол нововводимое и посягающее на свободу всех» и подтвердил права Кипрских епископов самостоятельно избирать митрополита и епископов, но и издал общеобязательное предписание, каковое, по мысли III Вселенского Собора, как вытекающее из основ православного догматического учения о Церкви, должно остаться неизменным во все времена. Издав определение о Кипрской Церкви, III Вселенский Собор продолжает: «То же самое да будет соблюдаемо и в других диоцезах и во всех митрополиях, чтобы никто из боголюбнейших епископов не занимал чужой митрополии, которая прежде и издревле не признавала над собой власти ни его, ни его предшественников; если же кто занял или силою подчинил себе, пусть возвратит ее, чтобы правила отцев не были нарушены, чтобы под

видом священного действия не вкралась гордость мирской власти, и чтобы мы не утратили, теряя мало-помалу, той свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков. Итак, благоугодно Святому и Вселенскому Собору сохранять чистыми и неприкосновенными в каждой митрополии те права, которые она имела от начала по древнему обычаю. Каждый митрополит имеет право для своей защиты взять копию [список] этого определения. Если же кто представит постановление противное тому, что ныне определено, весь Святой и Вселенский Собор решил, да будет оно недействительно».

Таким образом, III Вселенский Собор осудил властолюбивые притязания даже древнейшей христианской Церкви, той Церкви, где ученики в первый раз стали называться христианами (Деян. 11: 26). Тем тяжелее должно было быть это осуждение для Константинопольских епископов, стремившихся подчинить себе другие Церкви, ибо в то время они не имели канонических прав на положение даже провинциального митрополита, как мы видим и из деяний самого III Вселенского Собора.

Каноническая норма гласит, что все вообще предстоятели автокефальных Церквей не имеют права властно вмешиваться в дела других автокефальных Церквей. Нигде в священных канонах мы не встречаем ни прямо, ни косвенно высказанного мнения, что Вселенский патриарх в древней Церкви или в более позднее время имел право вмешиваться в дела прочих автокефальных Церквей.

Не могут поколебать канонической нормы приводимые митрополитом Энотским и профессором Фотиадисом и другими греческими канонистами в доказательство прав Константинопольских патриархов свидетельства тех же патриархов о своих правах или свидетельства об этих правах лиц, им подчиненных, так как правовые аксиомы, внесенные и в канонические сборники Православной Церкви (например, в Алфавитную Синтагму Матфея Властаря, в Афинскую Синтагму, в Кормчую Книгу), говорят: «Не достоин веры тот свидетель, которому я могу приказывать свидетельствовать». О всех заявлениях Константинопольских патриархов нужно сказать, что все они не имеют никакого доказательного значения уже потому, что являются свидетельствами Константинопольских патриархов о Константинопольских же патриархах. Юридическая аксиома, усвоенная и Церковью, говорит: «Никто не может быть свидетелем в своем деле» (Прохирон, Базилик, Синтагма Матфея Властаря, Афинская Синтагма, Кормчая Книга).

Логика учит, что «*ab esse ad necesse non valet consequentia*» — от существующего нельзя заключать к должному. И потому если Константинопольские патриархи часто вмешивались в дела других автокефальных Церквей, то это еще не значит, что они имели право это делать.

Те каноны, на которые ссылаются защитники «византийского папизма», или вовсе не касаются

вопроса о праве вмешательства Константинопольского патриарха в дела других автокефальных Церквей (3-е правило II Вселенского Собора и 36-е правило VI Вселенского Собора), или отрицают это право (2-е правило II Вселенского Собора), запрещая епископам всех вообще автокефальных Церквей, а следовательно, и Константинопольской, вмешиваться без приглашения в дела других автокефальных Церквей. А 9-м и 28-м правилами IV Вселенского Собора ограничивается судебная и административная власть Константинопольского престола областью подчиненных Константинопольскому патриарху трех диоцезов и их миссий.

Официальный канонический сборник Константинопольской и остальных греческих Церквей — Пидалион — в предисловии к Сардикийским правилам и в своих толкованиях 3-го, 4-го и 5-го правил этого Собора учит, что нужно признать правильным толкование Зонары, разъясняющего, что Римский епископ, а следовательно, и Константинопольский, имеет право апелляционного суда только над подчиненными ему епископами, а не над епископами другой какой Церкви (Пидалион, изд. 5, Афины, 1908, стр. 428–431, 433 и 434).

Немного истории противоканонической деятельности Константинопольских патриархов

История свидетельствует, что не раз стремление Константинопольских патриархов подчинить своей гегемонии другие восточные Патриархии порождало церковные смуты и расколы. Приведем несколько примеров, начиная с середины XVII в.

На Александрийский престол в 1639 г. в Константинополе был поставлен, вопреки воле александрийской паствы, священник Николай, принявший имя Никифора. Его поставил ставленник иезуитов, ревностный слуга Рима Константинопольский патриарх Кирилл II по желанию австрийского консула в Константинополе Шмита, причем Никифор обязался действовать в пользу католической пропаганды.

В 1657 г. Константинопольский патриарх Парфений поставил в Александрию патриархом Родосского митрополита Иоакима, хотя там уже был законный патриарх Паисий (1657–1677). Произошел раскол, но александрийцы отстаивали своего законного патриарха.

В 1710 г. в Александрии был вполне канонично избран и поставлен достойный патриарх Самуил, а Константинопольский патриарх Афанасий IV поставил в Александрию своего кандидата Косму; преемник Афанасия Кирилл IV без суда лишил патриарха Самуила сана, но преемник Кирилла Киприан II в 1714 г. объявил состоявшееся при Кирилле IV извержение патриарха Самуила из сана неосновательным и совершенно неканоническим. Наученные этим горьким опытом,

александрійці довго не могли користуватися своїм законним правом вибору і встановлення свого патріарха, і Александрійські патріархи ставились в Константинополі, хоча в 1766 г. і писали Константинопольському патріарху Самуїлу, щоб він не посилає їм самовільно нового патріарха, так як вони його не примуть, і він буде змушений повернутися назад.

«Тодішній владика вселенський і його синод, — пише по цьому приводі єпископ Порфирій (Успенський), — вірні духовної політики царгородського патріарха Самуїла (1763–1768), думали більше про зосередженні всіх взагалі справ церковних в своїх руках, ніж про канонічному самоглавенстві трьох інших патріархій, маючих повне право вибирати своїх владик без участі царгородського синода».

Для підкорення Александрійського Патріархату Константинопольський патріарх в 1783 г. вихлопотав берат султана на ім'я Александрійського патріарха Герасима, в якому було сказано, що «патріарх Мисира (Каїра) і Александрії з підкореними їй місцевостями входить в область патріарха Ромеев міста» (т. є. Константинополя).

В 1845 г. Константинопольський патріарх Мелетій III і його Синод не тільки без згоди, але навіть без ведома александрійців поставили Александрійським патріархом митрополита Константинопольського патріархату Артемія, хоча Александрійський клир і народ вибрали раніше своїм кандидатом архимандрита Ієрофея.

Патріарх Мелетій виправдовував це своє діяння хибними доводами, ніби патріархом може бути обраний тільки єпископ, а не архимандрит, і ніби Артемій уже раніше, ще при житті Александрійського патріарха, був двічі обраний на його місце, так як в Константинополі поширився слух про смерть патріарха, як ніби два попередніх незаконних діяння можуть виправдати стільки ж незаконне третє. Але александрійці відстоювали автокефалію своєї Церкви, і Артемій змушений був зректися престолу. Преемником Артемія був обраний і встановлений в Александрії представниками трьох інших патріархатів кандидат александрійського народу і клира Ієрофей II. Але коли він хотів призначити собі преемника Константинопольський патріарх Кирилл VII побачив в цьому порушення мнимих своїх прав, і два наступних патріарха Александрії — Каллик і Іаков — ставились в Константинополі.

Введемо викликане втручанням Константинопольської Церкви постановлення Александрійського собору 1867 г.: «Поместний собор в Єгипті, згідно Божественним і святим канонам і постановленням богоносних отців Єдиної, Святої, Кафолічної і Апостольської Церкви, оголошує, що патріарх Константинополя не користується ніяким переважним правом перед іншими патріархами, але є рівнозначним з іншими, ніскільки не маючи, поза свого кола, влади втручатися в справи їх».

Здесь собор повторил мысль, высказанную в «Исповедании Восточной Церкви» великого догматиста Александрийского патриарха Митрофана Критопула (1630–1640), где говорится: «Патриархи никого не желают называть главою Вселенской Церкви, довольствуясь Божественною и Вселенскою Главою — Господом Иисусом Христом... Сами же они относятся друг к другу с равной честью и не отличаются ничем, кроме места на кафедре».

Тем не менее, избрание Александрийским собором преемником патриарха Никанора архимандрита Нила было опротестовано патриархом Константинопольским Григорием VI, что вызвало новый раскол и смуты в Александрийской Патриархии. И только принятый Александрийской Церковью в 1874 г. «Устав об избрании Патриарха Александрии» восстановил ее автокефальные права.

Необходимо упомянуть о Лионской и Флорентийской унии, не говоря уже о древних ересях, о многократном поставлении патриархов — греков в Антиохийской и Иерусалимской Патриархиях, о стремлении отделить Синайскую Церковь от Церкви Иерусалимской, осужденном на Иерусалимском соборе 1867 г., о захвате епархий Русской Церкви в Эстонии и Финляндии и о попытке ликвидации там Русского патриаршества, о поддержке раскольничьей «живой» церкви в начале XX в., о попытке захвата заграничных епархий Сербской Церкви и заграничных приходов Церкви Румынской, самовольное и диктаторское введение нового календаря, «разделившее всю Церковь на две части»; о вмешательстве в политику после войны 1914–1918 гг., имевшее страшные последствия для самой Константинопольской Церкви и греческого народа, о ликвидации Западноевропейского экзархата, и, наконец, вмешательство в украинскую политику в наше время.

Как заметил Блаженнейший Митрополит Киевский и всея Украины Онуфрий, греки у себя на родине неумелыми действиями привели к уничтожению веры (после Первой мировой войны), желая, ни много ни мало, уничтожить Турецкую империю с помощью держав западной коалиции. В отместку христиане поголовно были выселены турками, и Вселенская Патриархия преследуется ими до сего дня. После этого все привилегии Церкви уничтожены, имущество Патриархии, всех митрополий, приходов и насильно выселенных лиц конфисковано, преподавание греческого языка в школах православных греков, которым разрешено остаться в Турции, запрещено, клир подвергся гонению и, в сущности, в Константинопольском Патриархате если не прекратилась, то очень ограничилась христианская жизнь. Представим печальные последствия политики Константинопольского Патриархата в Украине, плоды которой мы уже пожинаем в виде насильственных захватов храмов. 12 марта был опубликован доклад Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека, в котором зафиксированы нарушения прав и свобод верующих, принадлежащих к Украинской Православной Церкви (см. с. 6), и это тоже из-за вмешательства Константинополя в украинскую политику.

Мы видим из истории, что претензии Константинопольских патриархов на обладание апелляционным правом в отношении остальных автокефальных Церквей обычно вели к тяжелым последствиям для единства и мира Церкви Христовой.

Греческий этнофилетизм

21 октября 2018 г., выступая на заседании городского правления греческой диаспоры Стамбула, Константинопольский Патриарх Варфоломей заявил: «Нравится или нет нашим русским братьям, но рано или поздно они последуют решениям, которые принял Экуменический (Константинопольский) патриарх, потому что у них нет другого выбора». И добавил: «Наши братья славяне не могут терпеть первенство Вселенского Патриархата и нашей нации в Православии» (Orthodoxia.info).

В его словах мы можем усмотреть проявление национализма, который был осужден на Константинопольском соборе 1872 г. как ересь этнофилетизма. Первенство в Православии какой-либо нации – совершенно чуждое Православной вере учение, которое абсолютно неприемлемо для всех Церквей, объединяющих верующих множества рас и народов. Потому выступление Патриарха Варфоломея нужно признать очень печальным, свидетельствующим о серьезных искажениях, привнесенных Константинополем в учение о Церкви, чего действительно не потерпят не только славяне, но и другие христиане мира. В Церкви Христовой, как учит апостол Павел, нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос (Кол. 3: 11).

А как понимать заявление митрополита Закинфского Хризостома: «Если славянские народы забыли, что греки дали им культуру и что они приняли свет христианской веры от христианского светильника греческой Византии через греческих миссионеров и что поэтому они должны из благодарности отдавать должное почтение и благосклонность греческой расе, которая их воспитала и просветила, а не проявлять себя низкими и неблагодарными неприятелями, то всеправославное сознание смятёт их мрачные и вероломные планы... Из вышесказанного ясно видно, что Греческая Православная Восточная Церковь снова призвана, чтобы вести после войны гигантскую церковную борьбу, с одной стороны, против Западной римо-католической церкви и ее пропаганды, а с другой — против <...> славянских Церквей» (Две главные опасности // Екклесиа. № 29–30 от 1 августа 1947 г. (официальный орган Элладской Церкви)).

Константинопольская Церковь на протяжении всей истории пытается поставить себя выше других автокефальных Церквей, превратив унаследованное ею от Римской Церкви первенство чести в

первенство власти. Правда, к великому благу православного мира, стремление это, в отличие от Рима, проявилось лишь в отдельных актах церковной политики и иногда в теориях некоторых церковных политиков (например, в теории «перенесения скипетров») и никогда не было возводимо на степень церковного догмата, но и эти отдельные акты и теории немало вреда принесли Православной Церкви.

Значение титулов «Мать Церквей» и «Вселенский»

Константинопольский патриарх Иоаким III назвал Константинопольскую Церковь «Матерью Церквей» и «Ареопагом Православия», но придворный этикет с его витиеватыми комплиментами не может служить основанием для канонических претензий Константинополя.

Матерью всех Церквей можно назвать лишь Церковь Иерусалимскую, но никак не Константинопольскую, бывшую до II Вселенского Собора лишь одной из епархий Ираклийской митрополии. А каноны (Карф. соб. пр. 78) общею Матерью называют всю Вселенскую Кафолическую Церковь и никогда не применяют такого эпитета к Константинопольской Церкви.

Если понимать слово «вселенский» в смысле всеобщий, всемирный, то из этого следует папское учение, противоречащее православному догматическому учению. Восставая против этого эпитета в Церкви, святитель Григорий Великий писал: «Есть только один Вселенский епископ — Сам Христос». Вселенский может пониматься двояко: или как епископ, имеющий абсолютную монархическую власть во всей Церкви или власть над большей областью (частью) вселенной. Как и цари многие, хотя не были властителями всей вселенной, назывались владыками всей вселенной, как Евагрий назвал Зинона, правившего над значительной частью вселенной.

В первом смысле Константинопольский патриарх никогда не называется Вселенским, так как только один Христос — истинный Патриарх всей вселенной, Которому дана вся власть на небе и на земле. Во втором же смысле «вселенский» потому, что имеет под своей властью значительную часть вселенной, а также за ревность и заботу о хранении веры и соборных и отеческих преданий не только в своем диоцезе, но и в других.

Такая двусмысленность именованья была причиной многих столкновений между Константинопольским патриархом Иоанном Постником и Римскими папами Пелагием и Григорием Двоесловом. Они, понимая (титул) «Вселенский» в первом смысле, называли его (титул) богохульным, дьявольским и другими подобными эпитетами, и писали, что, кто хочет называться Вселенским, есть предтеча антихриста (письмо Григория к Маврикию), и в этом они были правы.

Иоанн же Постник и император Маврикий и последующие патриархи и цари титул этот понимали во втором смысле.

История возникновения и распространения эпитета «Вселенский» связана с названием общеимперских соборов, собиравших епископов со всей «вселенной», как было принято величать Римскую империю (которая, как считалось, объединяет весь цивилизованный мир). Первым случаем его употребления — еще неофициального — считается обращение епископа Олимпия Эвазского (из Эфесской митрополии) к патриарху Диоскору на т. н. 2-м Эфесском («Разбойничьем») соборе 449 г.: «Вселенский архиепископ великого города Александрии». В материалах Халкидонского Собора Александрийские клирики Феодор, Исхирион и Афанасий в своих жалобах на Диоскора величают «святейшим и блаженнейшим вселенским архиепископом и патриархом великого Рима» папу Льва.

В VI в. титул «Вселенский» стали применять восточные епископы и чиновники патриаршей канцелярии, желая угодить влиятельному епископу столицы, а потом и сами Константинопольские патриархи стали употреблять его, что вызвало резкие протесты со стороны пап, в том числе и святого Григория Великого [Двоеслова]. Тем не менее, на Востоке титул «Вселенский» («Икуменикос») сделался обычным, потому что здесь он не имел того определенного претенциозного значения, какое имел титул «Universalis» на Западе. Дело в том, что слово «икумени» у греков означало не только мир, вселенную, но Римскую, а потом и Византийскую империю. В таком смысле, например, употребляет это слово евангелист Лука (2: 1), говоря о повелении кесаря Августа сделать перепись по всей империи. Поэтому и слово «икуменикос» по отношению к патриархам означало просто патриархов Византийской империи и применялось иногда не только к Константинопольскому, но и к остальным трем патриархам в Византии. Например, Феофан исповедник († ок. 850 г.) называет Вселенскими и патриархов Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского (изд. Вонпае, 1839, 4, 12). Но сегодня, к сожалению, термин «икуменикос» приобрел у Константинопольского Патриарха папский оттенок.

Со строго канонической точки зрения, в наше время титул «Константинопольский» также не имеет основания. Обычно епископы Православной Церкви носят наименование по главному кафедральному городу своей области. Когда этот город изменяет свое наименование, соответственно изменяется и титул его епископа. И принцип этот строго соблюдался древней Церковью, будучи санкционирован верховным авторитетом Вселенских Соборов. Например, I Вселенский Собор в своем 7-м правиле в титуле епископа Матери всех Церквей упоминает не библейское имя Иерусалима, а новое имя, данное ему языческим императором Адрианом (117–138), именем Элия, а когда древнее имя города восстановилось, восстановился и титул его епископа. Точно так же VI Вселенский Собор называет Кипрского архиепископа по данному Юстинианом II имени городу «предстоятелем Юстианополя» (правило 39). Да и сам

Константинопольский епископ получил этот титул только после того, как его кафедральный город Византион получил новое название — Константинополь. Но после 1923 г. Константинополя уже не существует, а существует г. Стамбул, или Истамбул, так что по принятому каноническому принципу Константинопольский патриарх должен бы называться Стамбульским. И если он называется по-прежнему Константинопольским, то он называется так опять-таки не по праву, а по милости других автокефальных Церквей, не желающих лишать эту Церковь ее исторического наименования, напоминающего о ее славном прошлом. Но если титулы «Вселенский» и «Константинопольский» будут давать повод для мнимых оправданий Стамбульским епископом своих папских притязаний, то православные автокефальные Церкви будут вынуждены и в вопросе о его титулах стать на строго каноническую почву. К тому же оба эти титула (Вселенский и Всесвятейший) были даны Константинопольскому патриарху не Соборами или святыми отцами, а путем обычая.

Таким образом, основу высокого ранга Константинопольского патриарха после падения Константинополя нужно видеть вовсе не в канонах, а в общем согласии Православных Автокефальных Церквей и, главным образом, славянских, к которым принадлежит громадное большинство православного мира, руководящееся учением о первенстве Господа нашего Иисуса Христа — Основателя Церкви — и не считающее нужным изменять старый порядок, пока в этом не будет необходимости ради блага всей Церкви.

«Разве есть кто-либо, который бы поверил, — гласит Карфагенский Собор, — что Бог наш может единому токмо вдохнуть правоту суда, а бесчисленным иереям, сошедшим на собор, откажет в оном?» И будем надеяться, что Всеправославный Собор положит конец восточному папизму, «да не вкрадывается... надменность власти мирския: и да не утратим помалу, неприметно, тоя свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков» (III Всел. Соб. пр. 8)».

Выводы:

Константинопольский патриарх не имеет судебной власти вне границ своей Патриархии в пределах других Православных Церквей (Комментарий на 9-е правило IV Вселенского Собора).

Административная юрисдикция Константинопольского Патриарха никогда не простиралась на всю православную диаспору, а лишь на диаспору немногих соседних с подчиненными ему диоцезами областей.

В границах своей юрисдикции среди диаспоры Константинопольский Патриарх мог рукополагать

лишь епископов (Толкование на 28-е правило Халкидонского Собора).

Причиной расширения прав Константинопольского епископа было не мнимое апостольское происхождение этой Церкви, а единственно политическое возвышение Константинополя как столицы Византийской империи.

Именование Константинопольской Церкви «Матерью Церквей» и титулы «Всесвятейший», «Вселенский» не основываются на канонах, а возникли путем обычая, и притом они не указывают на какую-либо юрисдикцию Константинопольского патриарха вне границ его Патриархата, а лишь на временную обширность этого Патриархата в эпоху величия Византийской империи.

Константинопольский патриарх на своем «Домашнем синоде» не имеет права давать автокефалию какой-либо Церкви или лишать ту или иную Церковь автокефалии.

В статье автор использовал литературу:

Епископ Никодим (Милош). «Правила Святой Православной Церкви с толкованиями»; Карташев А. В. «Вселенские соборы»; труды проф. С.В. Троицкого: «Где и в чем главная опасность?», «Как привести к концу возникший спор?», «Будем вместе бороться с опасностью», «О границах распространения права власти Константинопольской патриархии на «диаспору»; а также интернет-порталы: <http://church.ua/>, «Orthodoxia.Info» и др.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/46511/>